

DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-4-713-730

Научная статья / Research article

Исламский терроризм на Ближнем Востоке и его влияние на мировую безопасность

Л.М. Исаев, М.Б. Айсин, И.А. Медведев, А.В. Коротаев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Российская Федерация, 101000, Москва, Мясницкая ул., 20

Российский университет дружбы народов
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
lisaev@hse.ru, marataysin@gmail.com, semyonkot@yandex.ru, akorotaev@hse.ru

Аннотация. Рассматривается влияние роста террористической активности на Ближнем Востоке после Арабской весны на увеличение террористической угрозы в других частях мира. Целью работы является выяснение с помощью количественных методов факторов, механизмов и масштабов расползания исламистского терроризма с Ближнего Востока. Использовано качественное исследование временных рядов с частичной формализацией для выявления временных лагов между ростом исламистского терроризма на Ближнем Востоке и его усилением в других частях мира. Продемонстрировано, что стремительный рост после 2010 года зафиксированных в мире терактов был обусловлен прежде всего взрывообразным ростом исламистской террористической активности в «Афразийской» зоне нестабильности вообще и на Ближнем Востоке в особенности. Показано, что именно с этим можно в очень заметной степени связать рост террористической активности после 2013 г. в США, Западной Европе, Турции и России. Проведенный анализ демонстрирует, что в качестве главного агента экспорта терроризма в указанные страны и регионы выступили «Исламское государство» (ИГ – запрещено в РФ) и аффилированные с ним структуры. При этом попытки экспорта терроризма в эти страны предпринимались в высокой степени в качестве ответа на удары, наносимые данными государствами по ИГ. Особенно сильно от террористической деятельности ИГ пострадала Турция, где уровень террористической активности между 2013 и 2014 гг. вырос в 14 раз. В США и Западной Европе натиск исламистского терроризма сопровождался трехкратным ростом числа зафиксированных терактов. Сходные масштабы ближневосточного террористического эха наблюдались и в РФ. Попытки ИГ развернуть террористическую деятельность на территории России сопровождалась трехкратным ростом числа терактов и в нашей стране. Тем не менее масштабы ближневосточного террористического эха в РФ неправильно было бы и преувеличивать. Предыдущие «волны» террористической угрозы 2002 и 2004 гг., а также второй половины 2000-х гг., ставшие эхом чеченских войн, были в нашей стране куда более масштабными.

Ключевые слова: исламский терроризм, Ближний Восток, «Афразийская» зона нестабильности, «Исламское государство», антитеррористические кампании, Россия, США, Турция, Западная Европа

История статьи: Поступила в редакцию 01.07.2020. Принята к публикации 10.08.2020.

© Исаев Л.М., Айсин М.Б., Медведев И.А., Коротаев А.В., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования: Исаев Л.М., Айсин М.Б., Медведев И.А., Коротаев А.В. Исламский терроризм на Ближнем Востоке и его влияние на мировую безопасность // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 4. С. 713–730. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-4-713-730

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18-00155.

Islamic Terrorism in the Middle East and its Impact on Global Security

Leonid M. Issaev, Marat B. Aisin, Ilya A. Medvedev, Andrey V. Korotayev

National Research University Higher School of Economics
20, Myasnitskaya St, Moscow, 101000, Russian Federation

Peoples' Friendship University of Russia
6, Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

lisaev@hse.ru, marataysin@gmail.com, semyonkot@yandex.ru, akorotaev@hse.ru

Abstract. This paper examines the impact of the increase in terrorist activity in the Middle East after the Arab Spring on the terrorist threat in other parts of the world. The aim of the work is to clarify, using quantitative methods, the factors, mechanisms and scale of the spread of Islamist terrorism from the Middle East. A qualitative study of time series with partial formalization is used to identify time lags between the rise of Islamist terrorism in the Middle East and its intensification in other parts of the world. It has been demonstrated that the rapid growth in the number of terrorist attacks recorded in the world after 2010 was primarily due to the explosive growth of Islamist terrorist activity in the “Afrasian” zone of instability in general and in the Middle East in particular. There is considerable evidence to suggest that this spurred terrorist activity after 2013 in the U.S., Western Europe, Turkey and Russia. The analysis shows that the “Islamic State” (ISIS) and its affiliates (prohibited in Russian Federation) have acted as the main export agent of terrorism to these countries and regions in an attempt to retaliate military strikes carried out by foreign powers in the Middle East. Among these foreign countries, Turkey was particularly hard hit by the increase in terrorist activities – the level of terrorist activity in Turkey between 2013 and 2014 grew 14 times. In the United States and Western Europe, the onslaught of Islamist terrorism has been accompanied by a threefold increase in the number of terrorist attacks recorded. A similar scale of the Middle East terrorist echo was observed in the Russian Federation. The ISIS efforts to expand and develop terrorist networks in Russia also resulted in the tripling of a number of terrorist attacks in this country. However, it would be wrong to exaggerate the scale of the Middle East terrorist “echo” in Russia. The previous waves of the terrorist threat between 2002 and 2004, as well as the second half of the 2000s (an echo effect of the Chechen wars) were much larger.

Keywords: Islamic Terrorism, Middle East, “Afrasian” Instability Zone, ISIS, Counter-Terrorism Campaigns, Russia, USA, Turkey, West Europe

Article history: Submitted on 01.07.2020. Accepted on 10.08.2020.

For citation: Issaev L.M., Aisin M.B., Medvedev I.A., Korotayev A.V. Islamic Terrorism in the Middle East and its Impact on Global Security. *RUDN Journal of Political Science*. 2020; 22 (4): 713–730. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-4-713-730

Acknowledgements: This research has been supported by the Russian Science Foundation (Project No. 19-18-00155).

Введение

Центральным звеном в «Афразийской» зоне нестабильности (кроме Ближнего Востока с Северной Африкой «Афразийская» зона включает в себя Средний Восток с Центральной Азией и Пакистаном и часть Тропической Африки непосредственно к югу от Сахары), охватывающей сегодня значительную часть исламского мира и прилегающих к нему регионов, является Ближневосточный регион [1–3]. Но в результате событий Арабской весны узел проблем, который завязался в этом регионе, стал существенно сложнее, чем ранее. Если один из самых застарелых в мире арабо-израильский конфликт постепенно сузился в основном до палестино-израильского и от этого стал в известной мере предсказуемым, то после череды революций и антиправительственных выступлений, многие из которых поставили государства на грань существования, общая конфликтогенность региона значительно возросла. В соответствии с данными *Fragile States Index*, который определяет способность государств обеспечивать безопасность и благополучие граждан, многие государства «Афразийской» зоны нестабильности и в особенности Ближнего Востока на протяжении 2010-х годов демонстрируют наихудшие показатели. Так, за последнее десятилетие самые стремительные темпы роста слабости государств были зафиксированы в Йемене, Сирии, Мали и Ливии¹.

На угрозу ближневосточного терроризма для мировой стабильности обращали внимание по всему миру. Обращаясь в 2014 г. к мировому сообществу в Генеральной Ассамблее ООН, президент США Барак Обама назвал терроризм одной из трех важнейших угроз для всего человечества, наряду с агрессивной политикой России и вспышкой эпидемии Эболы в Западной Африке. «В то время как мы собрались здесь, вспышка Эболы поражает системы здравоохранения в Западной Африке и угрожает быстро распространиться за ее пределы. Агрессия России в Европе напоминает о днях, когда большие нации угрожали малым, преследуя собственные территориальные амбиции. Жестокость террористов в Сирии и Ираке заставляет нас смотреть в сердце тьмы»².

В 2018 г. президент Дональд Трамп утвердил стратегию США по борьбе с терроризмом, целью которой стали повышение уровня защиты инфраструктуры в США, борьба с радикализацией и вербовкой террористов, а также укрепление контртеррористических способностей международных партнеров³. Согласно принятому документу, «Исламское государство» (ИГ)⁴ по-прежнему оставалось серьезной угрозой для Соединенных Штатов и стран

¹ Fragile State Index // Fragility in the World 2019. URL: <https://fragilestatesindex.org/> (accessed: 16.05.2020).

² Remarks by President Obama in Address to the United Nations General Assembly // The White House. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2014/09/24/remarks-president-obama-address-united-nations-general-assembly> (accessed: 16.05.2020).

³ President Donald J. Trump Is Protecting the United States from Terrorism // The White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/president-donald-j-trump-protecting-america-terrorism> (accessed: 16.05.2020).

⁴ Запрещено в РФ.

Европейского союза за счет широкой группы сторонников за пределами Ближнего Востока, наличия материальных средств к существованию, а также успешной вербовки через онлайн-средства коммуникации.

«ИГ остается самой радикальной исламистской террористической группировкой и главной транснациональной террористической угрозой для Соединенных Штатов, несмотря на продолжающиеся гражданские и военные усилия Соединенных Штатов и коалиции, нацеленные на уменьшение присутствия этой группировки в Ираке и Сирии... ИГ сохраняет финансовые и материальные ресурсы и опыт для осуществления внешних нападений... Глобальное присутствие группы остается устойчивым: восемь официальных филиалов и более двух десятков группировок регулярно проводят террористические и повстанческие операции в Африке, Азии, Европе и на Ближнем Востоке. Несмотря на многие неудачи, ИГ продолжает активное использование современных информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в целях идеологического воздействия на потенциальных сторонников и побуждения самых радикальных из них на террористические атаки в различных странах мира, в том числе в Соединенных Штатах»⁵.

На опасность террористической угрозы обращал внимание и российский президент Владимир Путин, выступая перед 70-й Генеральной Ассамблеей ООН в 2015 г. По мнению российского лидера, именно страны, пострадавшие от Арабской весны, стали основными «поставщиками кадров» для террористических группировок⁶. В своей речи, произнесенной в стенах ООН за несколько дней до начала российской военной операции в Сирии, Владимир Путин обращал внимание на обеспокоенность распространением террористической угрозы с Ближнего Востока на другие регионы мира в том, числе и Россию.

«Считаем любые попытки заигрывать с террористами, а тем более вооружать их, не просто недалёковидными, а пожароопасными. В результате глобальная террористическая угроза может критически возрасти, охватить новые регионы планеты. Тем более что в лагерях „Исламского государства“ проходят „обкатку“ боевики из многих стран, в том числе из европейских. К сожалению, должен сказать об этом прямо, уважаемые коллеги, и Россия не является здесь исключением. Нельзя допустить, чтобы эти головорезы, которые уже почувствовали запах крови, потом вернулись к себе домой и там продолжили свое черное дело»⁷.

Исламский терроризм: к постановке проблемы

По мере того как иностранное военное присутствие на Ближнем Востоке продолжало нарастать, в научных кругах росли опасения относительно

⁵ National Strategy for Counterterrorism of the United States of America // The White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2018/10/NSCT.pdf> (accessed: 16.05.2020).

⁶ Владимир Путин принял участие в пленарном заседании юбилейной, 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке // сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50385> (дата обращения: 16.05.2020).

⁷ Там же.

очередного всплеска транснациональных террористических атак⁸. Такая академическая тревога в прошлом уже давала реальные политические результаты. Например, Дж. Буш-младший был вынужден изменить свои планы по дальнейшему военному расширению кампании «войны с терроризмом», когда национальные спецслужбы США пришли к выводу, что вторжение США в Ирак помогло «Аль-Каиде» (организация запрещена в РФ) расширить свою вербовочную сеть по всему миру и повысить ее эффективность⁹. Этот аргумент уходит корнями в гипотезу С. Хантингтона о столкновении цивилизаций, который утверждает, что не религиозный фундаментализм, а всецело религия Ислама противоречит западному либерализму. Однако его теория не объясняет распространенность использования террористических атак в качестве основного метода борьбы против Запада, но пытается концептуализировать термин «столкновение», опираясь на более широкие риторические штрихи описания ислама как «религии меча», которая «одержима неполноценностью своей власти» [4].

Ряд исторических фактов подтверждает теорию С. Хантингтона. В соответствии с его прогнозами со времен холодной войны наблюдается всплеск террористических атак со стороны исламских и незападных стран на западные цели. Вместе с тем остаются некоторые важные несоответствия: в скандинавских странах и Канаде фиксируется гораздо меньшее число террористических атак, по сравнению с другими западными странами; террористические группы в Латинской Америке христианского вероисповедания предпочитают атаковать западные и, в частности, американские структуры. Объяснительная сила этой культурной теории ставится под сомнение и в некоторых количественных исследованиях, где сценарий «ислам против остальных» не оказывается статистически значимым, а его место в международном терроризме выглядит преувеличенным [5]. Увеличения террористических атак на западные цели после окончания холодной войны, которого ожидал С. Хантингтон, также не произошло. Вместо этого существует очень четкая связь между террористическими атаками и военным участием НАТО на Ближнем Востоке и американской кампанией «война против терроризма», делая стратегическую теорию террористической деятельности на Ближнем Востоке в отношении Запада более подходящей.

Имеется целый ряд исследований, в которых предпринимается попытка изучить террористические группы как рациональных агентов. Роберт Пейп утверждает, что как международные, так и внутренние террористические акты (в частности, нападения террористов-смертников) являются не иррациональной реакцией религиозных фанатиков, а средством достижения четко определенных националистических целей [6]. Р. Пейп утверждает, что эти нападения пытаются «заставить современные демократии вывести

⁸ Durani L. The Cause of Terrorism // *Foreign Policy Journal*. URL: <https://www.foreignpolicyjournal.com/2014/11/07/the-cause-of-terrorism/> (accessed: 16.05.2020).

⁹ Trends in Global Terrorism: Implications for the United States // *National Intelligence Estimate*. URL: <https://www.governmentattic.org/5docs/NIE-2006-02R.pdf> (accessed: 16.05.2020).

вооруженные силы с территории, которую террористы считают своей родиной» [7]. Решение выбирать в качестве целей атак, казалось бы, случайные демократические режимы, имеет три аспекта: во-первых, атаки в этих странах имеют наибольшую значимость, поэтому ценность атак максимальна. Во-вторых, считается, что ответные меры со стороны демократических правительств основаны на нормах прав человека и общественном мнении, что снижает риск полномасштабного возмездия и начала ликвидации террористической группы. И, в-третьих, права на неприкосновенность частной жизни, свободу передвижения и другие индивидуальные свободы облегчают планирование и осуществление террористических атак. В своих исследованиях Р. Пейп пришел к выводу, что существует четыре фактора, которые повышают вероятность нападений террористов-смертников: оккупация (размещение вооруженных сил государством на части территории иностранного государства), демократия (как тип режима), религиозное столкновение (разница в религии между оккупантом/оккупированным) и продолжающееся восстание в оккупированной стране.

Дальнейшие исследования в целом подтвердили правильность выводов Р. Пейпа, связывая иностранное военное вмешательство с активизацией террористической деятельности [8]. С. Коллард-Векслер пришел к выводу, что существует важное различие между иностранными и внутренними оккупациями, из чего следует, что во время внутренних оккупаций увеличения числа террористических атак не произойдет [9]. Он подтвердил выводы Р. Пейпа о том, что иностранные оккупанты становятся объектами нападений, но при этом заметил, что присутствие механизированных вооруженных сил и других объектов с высоким уровнем доступа/высокой степенью защиты увеличивает число нападений. И хотя гражданские войны увеличивают число таких целей, конфликты на национальной почве в большей степени влияют на опасность террористических нападений.

Хотя в целом все иностранные военные интервенции провоцируют транснациональную террористическую реакцию, существуют значительные расхождения между типами военных интервенций и их последствиями. Многие ученые в этой области опираются на типологию Д. Пикеринга и Е. Кисангани [10], которая подразделяет интервенции на два типа: те, которые в первую очередь мотивированы военными, политическими или стратегическими целями оккупанта (политико-стратегические интервенции, ПСИ), и те, которые мотивированы предоставлением гуманитарной помощи, спасением или оказанием помощи (социально-экономические интервенции, СЭИ). Для ПСИ, как правило, характерны перебои в предоставлении жизненно важных социальных услуг местным жителям, увеличение числа внутренне перемещенных лиц и беженцев, ухудшение положения в области верховенства права и защиты прав человека в оккупированной стране. Глядя на эти побочные эффекты ПСИ, очевидно, почему они создают благоприятную среду для террористической деятельности. Например, снижение уровня благосостояния является важным индикатором роста как для импортируемого, так и

экспортируемого терроризма в стране [11]. В то же время беженцы значительно расширяют резерв кандидатов для вербовки и значительно упрощают процесс вербовки в террористические организации. СЭИ не разделяют этих особенностей, и эмпирические исследования показывают, что они приводят к обратной реакции транснациональных террористов. Напротив, некоторые из них показывают, что социально-экономические вмешательства снижают число транснациональных терактов. Д. Пьяцца и С. Чхве указывают на то, что в целом существует четыре дополнительных фактора, обуславливающих количество импортируемых террористических актов: участие в международных военных союзах, международный кризис с участием страны в течение трех лет, граничащие с ней страны, в которых происходят конфликты, и предыдущий опыт транснационального терроризма [12].

Другим важным аспектом военной интервенции является то, что она никогда не приходит в одиночку, большинство стран разрабатывают довольно сложный набор политических мер для поддержки местных государственных институтов и наделения местных органов власти нацеленной финансовой помощью и специализированной подготовкой, самым известным примером которого является присутствие США в Ираке. Внешняя политика США характеризуется тратами огромного количества средств, особенно это наблюдалось во время правления Джорджа Буша-младшего и Барака Обамы. Несмотря на периоды интенсивного военного вмешательства, Госдепартамент был готов раздавать миллиарды в виде безоговорочной финансовой помощи. Например, президент Дж. Буш-младший объяснил во время своей речи во время Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций в 2002 г.: «Мы боремся с бедностью, потому что надежда – это ответ на террор»¹⁰. А президент Б. Обама повторил повестку своего предшественника в 2010 г.: «Крайне бедные общества являются оптимальной средой для болезней, терроризма и конфликтов»¹¹. Но помогают ли деньги? Растет объем исследований, которые показывают, что нет значимой прямолинейной негативной связи между количеством террористических актов и экономическим развитием, измеряемым через ВВП на душу населения [13; 14]. Типичный портрет террориста не показывает, что это, как правило, бедный и подавленный человек, наоборот, террористы, похоже, представляют все слои общества [15]. Экономические возможности, предоставляемые человеку, потенциально являются более качественным индикатором будущей террористической деятельности в стране.

Тем не менее существуют модели, показывающие, что правильно рассчитанная финансовая помощь может помочь снизить террористическую активность во всем мире. Ж. Азам и В. Телен разработали игровой анализ импорта и экспорта террористических атак по модели двух стран [16]. Их модель включает

¹⁰ President's Remarks at the United Nations General Assembly // The White House. URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/index.html> (accessed: 16.05.2020).

¹¹ Economic focus: exploding misconceptions // The Economist. URL: <https://www.economist.com/finance-and-economics/2010/12/16/exploding-misconceptions> (accessed: 16.05.2020).

ценность потенциальной террористической атаки для террористической организации (уменьшающейся с увеличением числа атак), количество локальных террористов и стоимость атаки. Далее они сравнивают результаты успешных антитеррористических мер в стране, где терактов мало, а их стоимость высока, и в стране, где количество терактов высокое, а их стоимость низкая. Поэтому, по их теории, первая страна будет импортировать теракты, а вторая – экспортировать их. Они утверждают, что успешные контртеррористические операции в стране-импортере не меняют статус-кво, поскольку в то время, как внутреннее «предложение» будет ниже, оно будет замещаться импортом терактов. При этом, хотя успешные контртеррористические операции в странах с высоким уровнем «предложения» и низкой стоимостью не повлияют на ожидаемое количество терактов внутри страны-экспортера, они резко сократят экспортируемый террор.

Ближний Восток как эпицентр террористической угрозы

Все это делает важным выявление роли «Исламского государства» в террористической деятельности на Ближнем Востоке. В этой связи в рамках настоящего исследования представляется необходимым выявить масштабы актуализации террористической угрозы, исходящей со стороны ближневосточного региона. Помимо этого нами также будет предпринята попытка проследить относительную временную динамику террористической активности в странах-донорах и странах-реципиентах для того, чтобы установить, происходил ли в них рост террористической активности синхронно либо имело место временное запаздывание. В случае его наличия также представляется целесообразным выяснить природу данного запаздывания. Кроме того, необходимо выявить корреляцию между вступлением тех или иных стран в боевые действия против ИГ и ростом террористической деятельности в этих странах.

Как нами уже отмечалось выше, распространение террористической угрозы с Ближнего Востока (в особенности со стороны «Исламского государства») на другие регионы считалось одной из главных угроз мировому сообществу, что, впрочем, не удивительно. Стремительный рост после 2010 г. зафиксированных в мире терактов был обусловлен прежде всего взрывообразным ростом террористической активности в «Афразийской» зоне нестабильности (рис. 1).

При этом на «Афразийскую» зону нестабильности после 2010 г. приходится 73% всех мировых террористических актов (рис. 2).

В свою очередь, стремительный рост после 2010 г. числа терактов, зафиксированных в «Афразийской» зоне, был в очень высокой степени обусловлен взрывообразным ростом террористической активности на Ближнем Востоке (включая Северную Африку) (рис. 3).

Так, с 2014 по 2016 г., т.е. в период наибольшей активности «Исламского государства», на Ближний Восток приходилось больше половины всех терактов, совершенных в «Афразийской» зоне нестабильности (рис. 4).

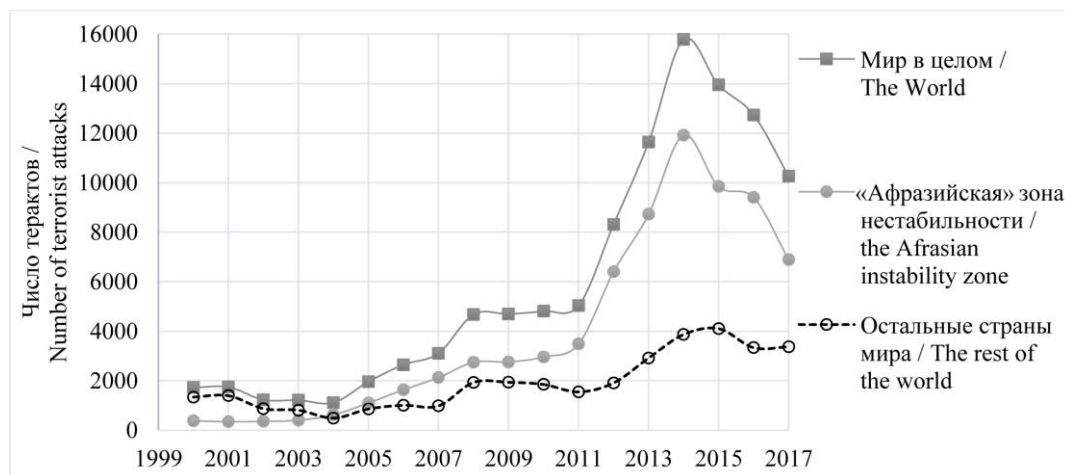

Рис. 1 / Fig. 1

Динамика числа террористических актов в мире и «Афразийской» зоне нестабильности в 2000–2017 гг. / Trends in the number of terrorist acts in the world and in the "African" instability zone, 2000–2017.

Источник / Source: составлено авторами на основе данных из Базы данных глобального терроризма / made by authors based on data from Global Terrorist Database¹²

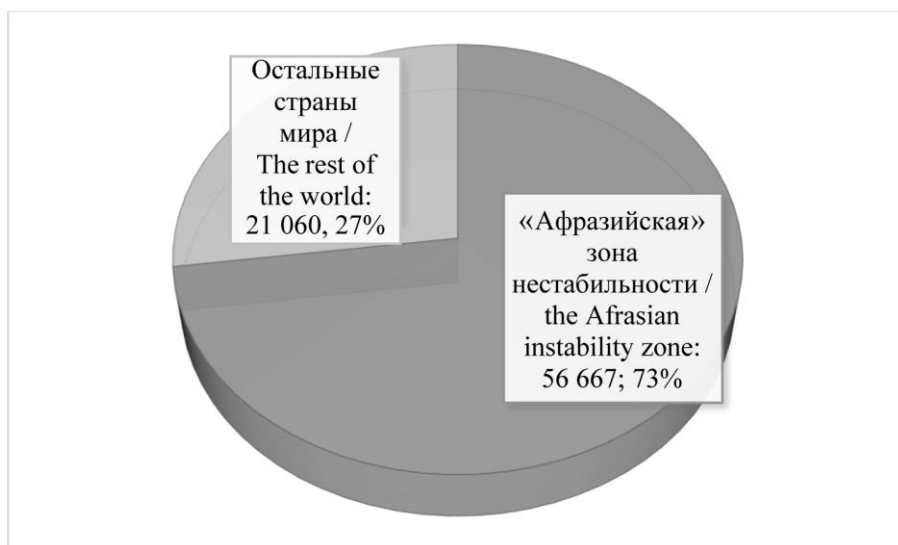

Рис. 2 / Fig. 2

Распределение общего числа значимых террористических актов, зафиксированных в мире в 2011–2017 гг. между странами «Афразийской» зоной нестабильности и остальными странами мира / Distribution of the total number of salient terrorist acts observed in the world in 2011–2017 between the countries of the "African" zone of instability and other countries of the world

Источник / Source: составлено авторами на основе данных из Базы данных глобального терроризма / made by authors based on data from Global Terrorist Database¹³

¹² National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism (START), Global Terrorism Database. URL: <https://www.start.umd.edu/gtd> (accessed: 16.05.2020).

¹³ Там же.

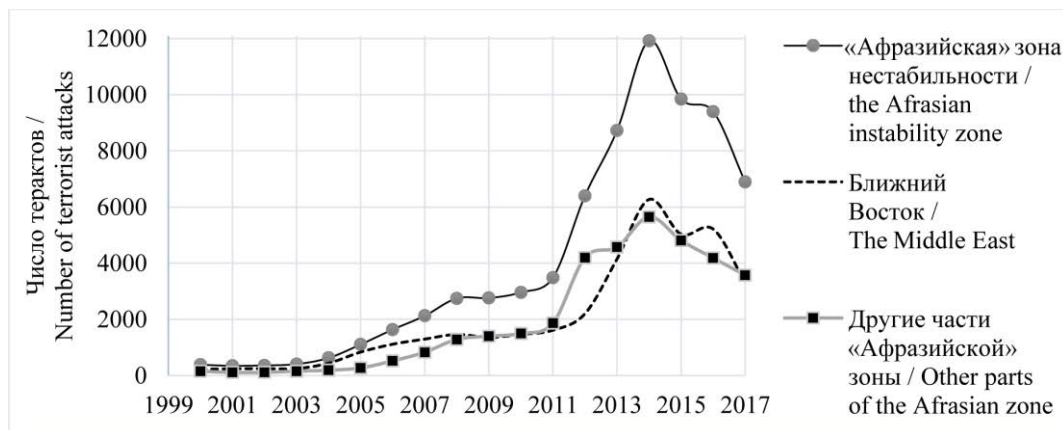

Рис. 3. / Fig. 3

Динамика числа террористических актов в разных частях «Афразийской» зоны нестабильности в 2000–2017 гг. / Trends in the Number of Terrorist Acts in different parts of the "Afrasian" Instability Zone, 2000–2017

Источник / Source: составлено авторами на основе данных из Базы данных глобального терроризма / made by authors based on data from Global Terrorist Database¹⁴

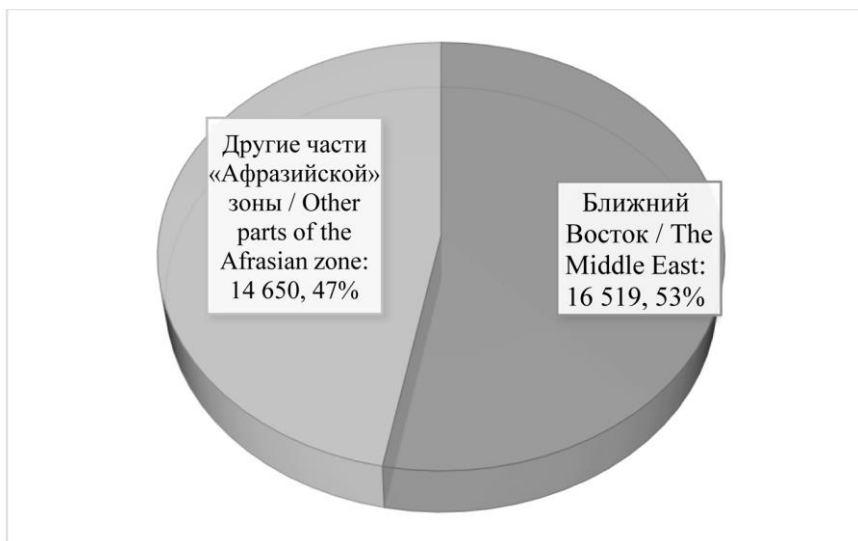

Рис. 4 / Fig. 4

Распределение общего числа террористических актов, зафиксированных в «Афразийской» зоне в 2014–2016 гг. между Ближним Востоком и другими частями «Афразийской» зоной нестабильности / Distribution of the total number of terrorist acts recorded in the Afrasian zone in 2014–2016 between the Middle East and other parts of the "Afrasian" instability zone

Источник / Source: составлено авторами на основе данных из Базы данных глобального терроризма / made by authors based on data from Global Terrorist Database¹⁵

Как видно из графиков на рис. 5, начиная с 2011 г. на Ближнем Востоке наблюдался стремительный рост террористической активности. Ее пик

¹⁴ National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism (START), Global Terrorism Database. URL: <https://www.start.umd.edu/gtd> (accessed: 16.05.2020).

¹⁵ Там же.

пришелся на 2014 г., что во многом связано с ухудшением ситуации в Сирии и Ираке, и в частности формированием на территории этих стран ИГ, чья экспансия осуществлялась в том числе и посредством террористических актов. В целом с начала Арабской весны уровень террористической активности на Ближнем Востоке вырос более чем в 4 раза (с 1464 терактов в 2010 г. до 6270 в 2014 г.).

Эхо ближневосточного терроризма

В то же время после 2014 г. мы можем наблюдать некоторый спад террористической активности на Ближнем Востоке, что в заметной степени связано с определенной нормализацией ситуации в Сирии и Ираке. С другой стороны, как видно на рис. 5, в Турции, странах Европейского союза и России с 2015 г. наблюдается всплеск террористической активности, который можно считать «эхом» ближневосточного терроризма и частичным переносом деятельности террористических структур из стран арабского Ближнего Востока на государства, вступившие в борьбу с «Исламским государством».

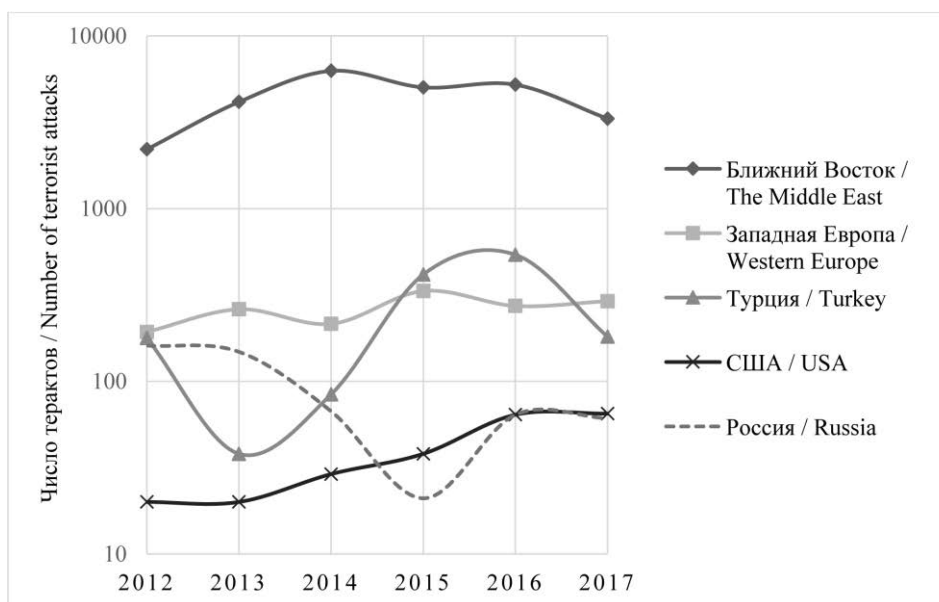

Рис. 5 / Fig. 5

Динамика числа террористических актов на Ближнем Востоке, в Турции, США, России и ЕС в 2012–2017 гг. (логарифмический масштаб) / Trends in the number of terrorist acts in the Middle East, Turkey, the United States, Russia and the EU, 2012–2017. (logarithmic scale)
 Источник / Source: составлено авторами на основе данных из Базы данных глобального терроризма / made by authors based on data from Global Terrorist Database¹⁶

Достаточно выраженный рост террористической активности наблюдался и в Соединенных Штатах, которые одними из первых сформировали

¹⁶ National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism (START), Global Terrorism Database. URL: <https://www.start.umd.edu/gtd> (accessed: 16.05.2020).

антитеррористическую коалицию по борьбе с ИГ. Уже в августе 2014 г. Вашингтон объявил о начале военной операции «Непоколебимая решимость», в которую вошли более 30 государств мира. Были также развернуты боевые сухопутные войска, главным образом специальные силы и артиллерия, особенно в Ираке. 75–80% воздушных ударов были нанесены военными США, остальные 20–25% – Великобританией, Францией, Турцией, Канадой, Нидерландами, Данией, Бельгией, Саудовской Аравией, Объединенными Арабскими Эмиратами и Иорданией¹⁷.

Реакцией на антитеррористическую деятельность совместной объединенной оперативной группы во главе с США стал выраженный рост террористической активности внутри самих Соединенных Штатов начиная с 2014 г. За три года (с 2013 по 2016 г.) число терактов в США выросло в три раза с 20 в год до 60 (рис. 6).

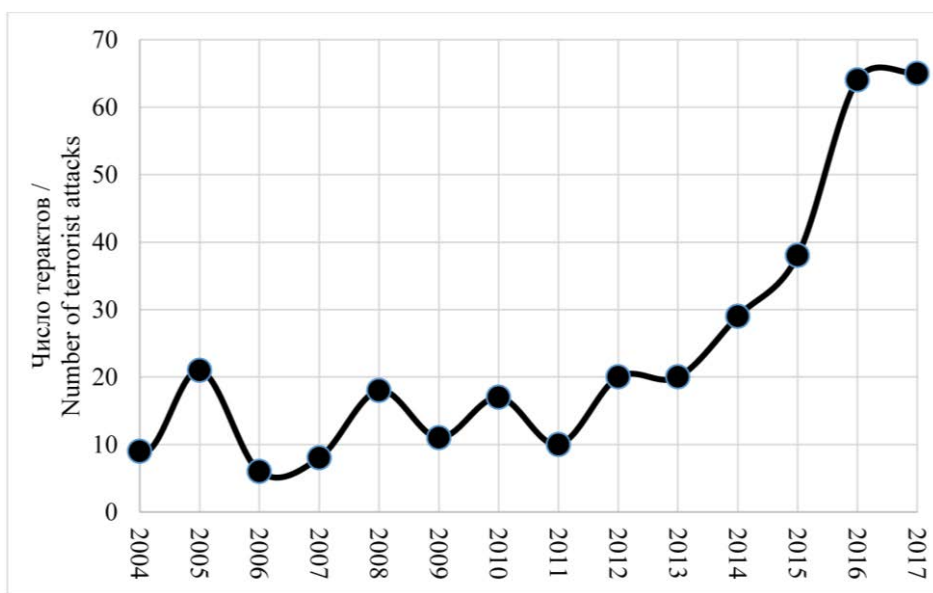

Рис. 6 / Fig. 6

Динамика числа значимых террористических актов в США в 2004–2017 гг. / Trends in the number of salient terrorist acts in the United States in 2004–2017

Источник / Source: составлено авторами на основе данных из Базы данных глобального терроризма / made by authors based on data from Global Terrorist Database¹⁸

Реакцией на действия антитеррористической деятельности совместной объединенной оперативной группой во главе с США стал стремительный рост террористической активности внутри самих Соединенных Штатов начиная с 2014 года. За три года (с 2013 по 2016 г.) число терактов в США выросло в три раза с 20 в год до 60 (см. рис. 6).

¹⁷ Special Report: Operation Inherent Resolve // U.S. Department of Defense. URL: http://www.defense.gov/News/Special-Reports/0814_Inherent-Resolve (accessed: 16.05.2020).

¹⁸ National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism (START), Global Terrorism Database. URL: <https://www.start.umd.edu/gtd> (accessed: 16.05.2020).

Турция, будучи членом НАТО и имея наиболее протяженную границу с Сирией, стала страной, на которой в наибольшей степени отразилась «эхо» ближневосточного терроризма (рис. 7).

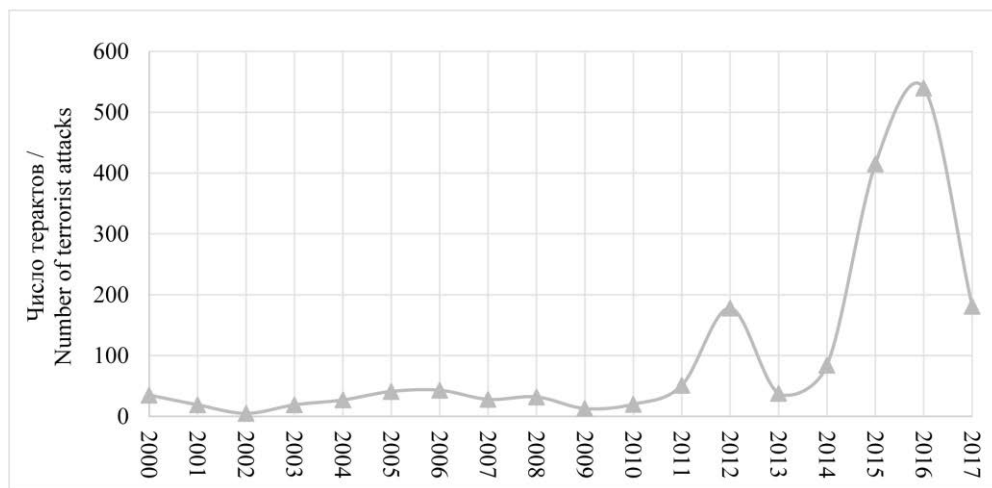

Рис. 7 / Fig. 7

Динамика числа значимых террористических актов в Турции в 2000–2017 гг. /
Trends in the number of salient terrorist acts in Turkey in 2000–2017

Источник / Source: составлено авторами на основе данных из Базы данных глобального терроризма /
made by authors based on data from Global Terrorist Database¹⁹

Присоединившись к операции «Непоколебимая решимость» в 2014 г., Турция практически сразу стала одним из основных объектов для джихадистов из ИГ. За три года (с 2013 по 2016 г.) число терактов в этой стране выросло более чем в 14 раз, до уровня, в 8,5 раз более высокого, чем в США, и в два раза выше суммарного по всей Западной Европе.

«Эхо» ближневосточного терроризма можно было наблюдать и в странах Западной Европы. Пиковые значения здесь приходятся на 2015 г. (333 случая), что также можно рассматривать в качестве реакции со стороны «Исламского государства» в отношении европейских стран, участвовавших в борьбе с ИГ на территории Ирака и Сирии (рис. 8).

При этом в Европе рост террористической активности наблюдался с самого начала Арабской весны: число терактов в странах ЕС выросло в три раза, с 95 случаев в 2011 г. до 291 случая в 2017 г. Во многом это связано еще и с тем, что именно страны ЕС (наряду с Турцией) в наибольшей степени подвергнуты угрозе, связанной с растущим числом беженцев из государств, которые пострадали в результате событий Арабской весны (пик беженцев в Европу пришелся на 2015–2016 гг.).

Несколько иная ситуация наблюдается в отношении России (рис. 9).

¹⁹ National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism (START), Global Terrorism Database. URL: <https://www.start.umd.edu/gtd> (accessed: 16.05.2020).

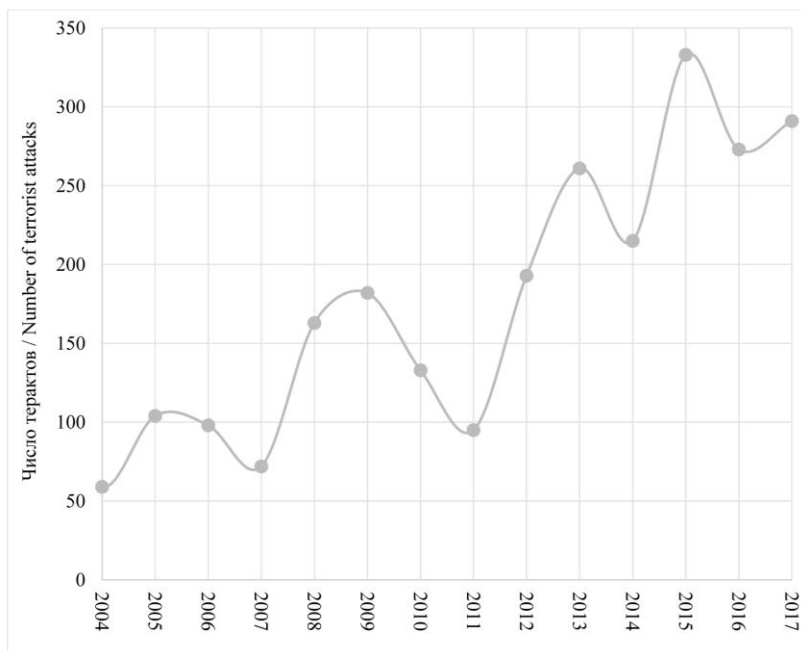

Рис. 8 / Fig. 8

Динамика числа значимых террористических актов в Западной Европе в 2004–2017 гг. / Trends in the number of salient terrorist acts in Western Europe in 2004–2017

Источник / Source: составлено авторами на основе данных из Базы данных глобального терроризма / made by authors based on data from Global Terrorist Database²⁰

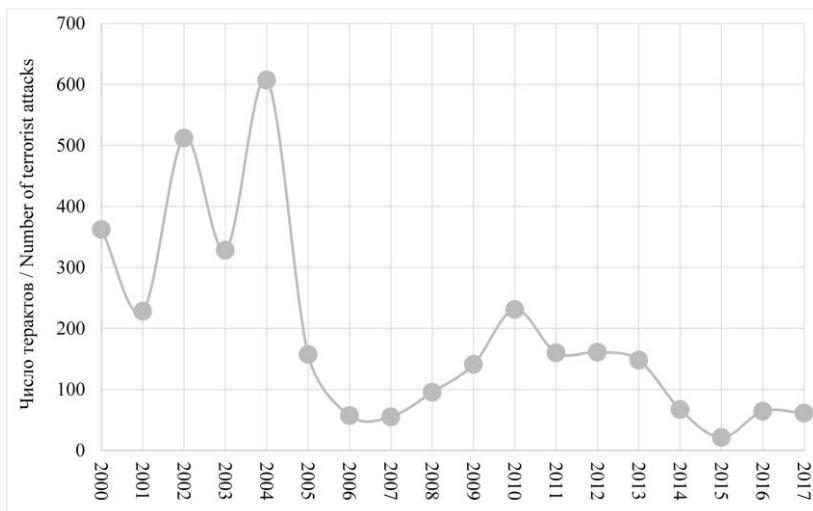

Рис. 9 / Fig. 9

Динамика числа значимых террористических актов России в 2000–2017 гг. / Trends in the number of salient terrorist acts in Russia in 2000–2017

Источник / Source: составлено авторами на основе данных из Базы данных глобального терроризма / made by authors based on data from Global Terrorist Database²¹

²⁰ National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism (START), Global Terrorism Database. URL: <https://www.start.umd.edu/gtd> (accessed: 16.05.2020).

²¹ Там же.

30 сентября 2015 г. Владимир Путин объявил о начале операции ВКС России в Сирии. При этом, если в первые месяцы действия России во многом были направлены не столько против «Исламского государства», сколько против несистемной оппозиции, которая представляла для Башара аль-Асада наибольшую угрозу, то в 2016 г. российские ВКС начали проводить операции и против самого ИГ. В частности, в марте 2016 г. при активном участии российских ВКС от боевиков ИГ была освобождена Пальмира/Тадмор²².

Участие России в войне в Сирии не осталось без ответа со стороны террористических групп. Помимо локального вооруженного сопротивления в 2016–2017 гг. Россия стала объектом нескольких резонансных террористических актов, мотивированных участием РФ в войне в Сирии²³. Например, убийство в декабре 2016 г. посла России в Турции Андрея Карлова, как утверждается, было совершено в ответ на воздушные удары России по «Исламскому государству» в боях при Алеппо, а в апреле 2017 г. гражданин России чеченского происхождения, воевавший на стороне «Исламского государства» в Сирии, совершил теракт в вагоне петербургского метро, убив одиннадцать и ранив десятки человек.

Летом 2016 г. «Исламское государство» разместило девятиминутный видеоролик в *YouTube*. На видео террористы обратились к своим последователям с призывом начать джихад в России, а также пригрозили убить президента России Владимира Путина²⁴. Одновременно с этим на совещании в Петербурге глава ФСБ России Александр Бортников заявил о подготовке терактов в России боевиками, находящимися за рубежом, а также отметил, что в России существует большая угроза всплеска террористической активности со стороны боевиков-террористов, которые массово возвращаются с Ближнего Востока²⁵.

При этом угрозы главарей ИГ в отношении России были не вполне голословными. К 2015 г. многие лидеры террористического подполья в Северном Кавказе присягнули на верность лидеру ИГ Абу Бакру аль-Багдади и потребовали, чтобы их примеру последовали все прочие боевики²⁶. Главой «Вилаята Кавказ» (филиала «Исламского государства» на Северном Кавказе) стал Рустам Асельдеров, который ранее возглавлял подполье «Имарата Кавказ» в Дагестане. Выходцы из «Имарата Кавказ» не случайно примкнули к

²² UNESCO chief welcomes the liberation of Syria's Palmyra world heritage site // The United Nations. URL: <https://news.un.org/en/story/2016/03/525312-unesco-chief-welcomes-liberation-syrias-palmyra-world-heritage-site> (accessed: 16.05.2020).

²³ Eleven killed in suspected suicide bombing on Russian metro train // Reuters. URL: <https://www.reuters.com/article/us-russia-blast-metro/eleven-killed-in-suspected-suicide-bombing-on-russian-metro-train-idUSKBN17519G> (accessed: 16.05.20)

²⁴ Боевики ИГ записали видео с угрозами в адрес России (2016) // Известия. URL: <https://iz.ru/news/624777> (дата обращения: 16.05.2020).

²⁵ ФСБ: главари банд на Ближнем Востоке готовят бандподполье на Кавказе (2016) // Известия. URL: <https://iz.ru/news/624081#ixzz4Fb7pyUyt> (дата обращения: 16.05.2020).

²⁶ ИГИЛ угрожает России: чего ждать от террористов, которые вернутся на Кавказ // МК. URL: <https://www.mk.ru/politics/2015/10/29/igil-ugrozhaet-rossii-chego-zhdet-ot-terroristov-kotorye-vernutsya-na-kavkaz.html> (дата обращения: 16.05.2020).

«Исламскому государству». Еще в конце июня 2014 г. Абу Бакр сразу после объявления себя «халифом» назвал Россию и США лидерами врагов исламского мира. Кроме того, русский язык входил в тройку наиболее популярных языков пропаганды ИГ [17].

Всплеск террористической активности России в 2016 г. более чем в три раза (см. рис. 9) фактически стал воплощением угроз со стороны лидеров «Исламского государства» в адрес России. Большинство террористических актов в 2016 г. произошли в Северо-Кавказском регионе, а ответственность за них взяло на себя ИГ.

Заключение

Итак, проведенное исследование подтвердило эффект расползания терроризма с Ближнего Востока. Проведенное нами исследование позволяет сделать вывод о том, что это было связано прежде всего с деятельностью «Исламского государства» и его филиалов. Пики спровоцированной этим террористической активности наблюдались в странах-реципиентах с заметным временным запаздыванием (лагом) относительно стран-доноров (прежде всего Сирии и Ирака). Таким образом, рост террористической активности в странах-реципиентах наблюдался вскоре после вступления соответствующих стран в борьбу с «Исламским государством».

Помимо этого, хотя в российских СМИ в конце 2015 – начале 2016 г. активно распространялся тезис о сотрудничестве Турции с «Исламским государством», именно Турция более всего пострадала от действий со стороны ИГ, вызванных участием Анкары в антитеррористической деятельности совместной объединенной оперативной группы во главе с США, в частности операции «Непоколебимая решимость».

Что касается России, то эффект расползания терроризма с Ближнего Востока наблюдался, но с заметным запозданием. Если пик террористической активности в ближневосточном регионе пришелся на 2014 г., то в России он наблюдался в 2016 г. и был в высокой степени связан с началом операции ВКС России в Сирии и их действиями против «Исламского государства». В этой связи более уместно говорить не столько о атаках со стороны «Исламского государства» в отношении России, сколько о его контрнаступлении и ответных действиях на российскую военную кампанию в Сирии. Кроме того, нельзя преувеличивать масштабы террористической волны, спровоцированной попыткой «Исламского государства» ответить на наступательные действия России в Сирии. Ее масштабы были в почти четыре раза меньше масштаба предыдущей волны 2010 г. и на порядок меньше масштабов волны 2004 г., ставшей эхом чеченских войн.

Библиографический список

- [1] Гринин Л.Е., Исаев Л.М., Кортаев А.В. Революции и нестабильность на Ближнем Востоке. 2-е изд. М.: Учитель, 2016.
- [2] Кортаев А.В., Исаев Л.М., Руденко М.А. Формирование афразийской зоны нестабильности // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2015. № 2. С. 88–99.

- [3] *Коротаев А.В., Васькин И.А., Билюга С.Э.* Гипотеза Олсона – Хантингтона о криволинейной зависимости между уровнем экономического развития и социально-политической дестабилизацией: опыт количественного анализа // *Социологическое обозрение*. 2019. Т. 16. № 1. С. 9–47.
- [4] *Huntington S.P.* *The clash of civilizations and the remaking of world order*. New York, NY: Simon & Schuster, 1997.
- [5] *Neumayer E., Plümper T.* International Terrorism and the Clash of Civilizations // *British Journal of Political Science*. 2009. Vol. 39. No. 4. P. 711–34.
- [6] *Pape R., Feldman J.K.* Cutting the fuse: the explosion of global suicide terrorism and how to stop it // *Choice Reviews Online*. 2011; Vol. 48. No. 10 P. 48–59.
- [7] *Pape R.* Dying to Win: The Strategic Logic of Suicide Terrorism // *Foreign Affairs*. 2005. Vol. 84. No. 5. P. 172.
- [8] *Asal V.* The Preconditions for Ethnic Suicide Bombing Campaigns, 1991–2003 // *Southern Economic Journal*. 2006. Vol. 80. No. 4. P. 981–1001.
- [9] *Collard-Wexler S.* Do Foreign Occupations Cause Suicide Attacks? // *The Journal of Conflict Resolution*. 2014. Vol. 58. No. 4. P. 625–657.
- [10] *Pickering J., Kisangani E.* The International Military Intervention Dataset // *J. Peace Res.* 2009. Vol. 46. No. 4. P. 589–599.
- [11] *Burgoon B.* On Welfare and Terror // *Journal of Conflict Resolution*. 2009. Vol. 50. No. 2. P. 176–203.
- [12] *Piazza J., Choi S.* International Military Interventions and Transnational Terrorist Backlash // *International Studies Quarterly*. 2018. Vol. 62. P. 686–695.
- [13] *Gassebner M., Luechinger S.* Lock, stock, and barrel: a comprehensive assessment of the determinants of terror // *Public Choice*. 2011. Vol. 149. No. 3–4. P. 235–261.
- [14] *Korotayev A., Vaskin I., Tsirel S.* Economic Growth, Education, and Terrorism: A Re-Analysis // *Terrorism and Political Violence*. 2019. P. 1–24.
- [15] *Krueger A.B.* What Makes a Terrorist: Economics and the Roots of Terrorism // *Choice Reviews Online*. 2008. Vol. 45. No. 8. P. 45.
- [16] *Azam J.-P., Thelen V.* Foreign Aid vs. Military Intervention in the War on Terror // *Journal of Conflict Resolution*. 2010. Vol. 54. No. 2. P. 237–261.
- [17] *Васильев А.М., Исаев Л.М., Коротаев А.В., Шишкина А.Р.* «Инструменты „мягкой силы“» ИГ: типология и оценка эффективности // *Азия и Африка сегодня*. 2018. № 12. С. 3–10.

References

- [1] Grinin L., Issaev L., Korotayev A. *Revolutions and Instability in the Middle East*. Moscow: *Uchitel*; 2016 (In Russ.).
- [2] Korotayev A., Issaev L., Rudenko M. Afrasian Instability Zone and Its Historical Background. *Social Evolution & History*. 15 (2): 88–99 (In Russ.).
- [3] Korotayev A., Vas'kin I., Bilyuga S. Olson–Huntington Hypothesis on a Bell-Shaped Relationship Between the Level of Economic Development and Sociopolitical Destabilization: A Quantitative Analysis. *Sotsiologicheskoe Obozrenie / Russian Sociological Review*. 2017; 16 (1): 9–49. doi: 10.17323/1728-192x-2017-1-9-49 (In Russ.).
- [4] Huntington S.P. *The clash of civilizations and the remaking of world order*. New York: Simon & Schuster; 1997.
- [5] Neumayer E., Plümper T. International Terrorism and the Clash of Civilizations. *Br J. Polit Sci*. 2009; 39 (4): 711–734. doi: 10.1017/s0007123409000751
- [6] Pape R., Feldman J.K. Cutting the fuse: the explosion of global suicide terrorism and how to stop it. *Choice Reviews Online*. 2011; 48 (10): 48–59. doi: 10.5860/choice.
- [7] Freedman L., Pape R., Bloom M. Dying to Win: The Strategic Logic of Suicide Terrorism. *Foreign Affairs*. 2005; 84 (5): 172. doi: 10.2307/20031726
- [8] Asal V. The Preconditions for Ethnic Suicide Bombing Campaigns, 1991–2003. *Southern Economic Journal*. 2006; 80 (4): 981–1001.
- [9] Collard-Wexler S. Do Foreign Occupations Cause Suicide Attacks? *The Journal of Conflict Resolution*. 2014; 58 (4): 625–657.

- [10] Pickering J., Kisangani E. The International Military Intervention Dataset: An Updated Resource for Conflict Scholars. *J. Peace Res.* 2009; 46 (4): 589–599. doi: 10.1177/0022343309334634
- [11] Burgoon B. On Welfare and Terror. *Journal of Conflict Resolution.* 2006; 50 (2): 176–203. doi: 10.1177/0022002705284829
- [12] Piazza J., Choi S. International Military Interventions and Transnational Terrorist Backlash. *International Studies Quarterly.* 2018; 62 (3): 686–695. doi: 10.1093/isq/sqy026
- [13] Gassebner M., Luechinger S. Lock, stock, and barrel: a comprehensive assessment of the determinants of terror. *Public Choice.* 2011; 149 (3–4): 235–261. doi: 10.1007/s11127-011-9873-0
- [14] Korotayev A., Vaskin I., Tsirel S. Economic Growth, Education, and Terrorism: A Re-Analysis. *Terrorism and Political Violence.* 2019: 1–24. doi: 10.1080/09546553.2018.1559835
- [15] Krueger A.B. What makes a terrorist: economics and the roots of terrorism. *Choice Reviews Online.* 2008; 45 (08): 45. doi: 10.5860/choice.45-4501
- [16] Azam J.-P., Thelen V. Foreign Aid Versus Military Intervention in the War on Terror. *Journal of Conflict Resolution.* 2010; 54 (2): 237–261. doi: 10.1177/0022002709356051
- [17] Vasiliev A., Isaev L., Korotaev A., Shishkina A. Instruments of the Islamic State «Soft Power»: Typology and Performance Evaluation. *Aziya i Afrika segodnya.* 2018; (12): 3–10. doi: 10.31857/s032150750002565-3 (In Russ.).

Информация об авторах:

Исаев Леонид Маркович – кандидат политических наук, зам. заведующего Лабораторией мониторинга рисков социально-политической дестабилизации Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; старший научный сотрудник Российского университета дружбы народов (ORCID ID: 0000-0003-4748-1078) (e-mail: lisaev@hse.ru).

Айсин Марат Бахтиярович – стажер-исследователь в Лаборатории мониторинга рисков социально-политической дестабилизации Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (ORCID ID: 0000-0002-9189-231X) (e-mail: marataysin@gmail.com).

Медведев Илья Александрович – стажер-исследователь в Лаборатории мониторинга рисков социально-политической дестабилизации Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (ORCID ID: 0000-0002-3451-3790) (e-mail: semyonkot@yandex.ru).

Коротаев Андрей Витальевич – доктор исторических наук, заведующий Лабораторией мониторинга рисков социально-политической дестабилизации Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник Российского университета дружбы народов (ORCID ID: 0000-0003-3014-2037) (e-mail: akorotaev@hse.ru).

Information about the authors:

Leonid M. Issaev – PhD (in Political Sciences), Deputy Head of the Laboratory for Monitoring the Risks of Socio-Political Destabilization at the National Research University Higher School of Economics; Research Professor at the Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences (ORCID ID: 0000-0003-4748-1078) (e-mail: lisaev@hse.ru).

Marat B. Aysin – Intern in the Laboratory for Monitoring the Risks of Socio-Political Destabilization at the National Research University Higher School of Economics (ORCID ID: 0000-0002-9189-231X) (e-mail: marataysin@gmail.com).

Ilya A. Medvedev – Intern in the Laboratory for Monitoring the Risks of Socio-Political Destabilization at the National Research University Higher School of Economics (ORCID ID: 0000-0002-3451-3790) (e-mail: semyonkot@yandex.ru).

Andrey V. Korotayev – Dr. Sc. (in History), Head of the Laboratory for Monitoring the Risks of Socio-Political Destabilization at the National Research University Higher School of Economics; Senior Research Professor at the Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences (ORCID ID: 0000-0003-3014-2037) (e-mail: akorotaev@hse.ru).